

Дорогой мой читатель!

В детстве я очень любил читать сказки и фантастические истории, переживая вместе с героями удивительные приключения и мысленно помогая им преодолевать препятствия и совершать подвиги. Перед Вами одна из таких книг, полная захватывающих событий и вызывающая фантастические эмоции!

Мечтайте, фантазируйте! Кто знает, может, повзрослев, Вы придумаете, откроете или совершите что-то очень невероятное и выдающееся и сможете изменить этот мир к лучшему!

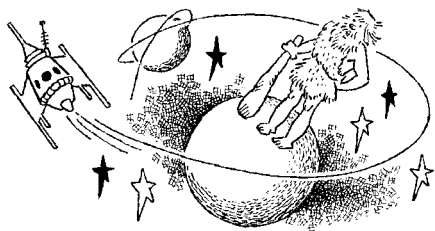
Добрых Вам путешествий
и открытий в мире фантазии!

Ваш Василий Толстой

АНАТОЛИЙ
МОШКОВСКИЙ

ПЯТЕРО В ЗВЕЗДОЛЁТЕ

Художник Генрих Вальк

#эксмодетство
Москва
2017

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М87

Редакция выражает благодарность В. В. Головачёву
за помощь в подготовке серии.*

*Василий Головачёв — один из самых известных современных писателей-фантастов в России, лауреат международных фестивалей, обладатель множества премий и наград, в том числе ордена Министерства культуры России «За вклад в культуру», премии «Аэлига», «Ордена рыцарей фантастики» и многих других. По количеству выпущенных книг и общему тиражу, превысившему 20 млн экземпляров, В.В. Головачёв вошёл в российскую Книгу рекордов и достижений (Гиннесса) как самый популярный писатель-фантаст.

Мошковский, Анатолий Иванович.

М87 Пятёро в звездолете / Анатолий Мошковский ;
ил. Г. Валька. — Москва : Эксмо, 2017. — 288 с. :
ил. — (Вселенная фантастики).

**УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© А. Мошковский, наследники, 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-94778-2

Глава 1

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Толя стоял, нахмутив лоб.

Всё было напрасно... Всё-всё!

Отцу и дела не было, что он целый месяц готовился к этому разговору.

В этот день перед приходом отца Толя сидел в своей комнате и в последний раз обдумывал, с чего лучше начать разговор. Со стен на него смотрели разноцветные лица жителей других планет, нарисованные его другом Алькой: длинные, широкие, круглые, с одними, двумя и даже десятью глазами; с потолка свисали фиолетовые лианы, привязанные к проволочкам огненно-красные раковины и чучела невиданных птиц с расправленными крыльями; у стен лежали голубые, золотистые и чёрные инопланетные камни, большие, но такие лёгкие, что их запросто можно

было отбросить через всю комнату щелчком; на полках стояли книги с очень тонкой бумагой — тысяча и больше страниц в каждой! — и с маленькой стрелочкой на переплёте: поверни — и страницы сами листаются с нужной тебе скоростью. Всё это привёз отец из космических командировок и подарил Толе, который с тех пор, как научился ходить, бредил иными мирами, ослепительными, неведомыми, диковинными...

И вот Толя стоял в огромном кабинете, и отец повторял:

— Нельзя, сынок... Разве ты не знаешь, что детям до семнадцати лет строго-настрого запрещено вылетать за пределы Солнечной системы?

— Но почему, пап? Ты можешь сказать почему?

— Как будто сам не знаешь, не читаешь газет, не слушаешь радио, не учишься в школе, где...

— Слушаю! Понимаю! Учусь! И поэтому знаю, что этот запрет устарел... Может, ещё раз показать тебе книгу «Научные открытия, сделанные детьми за последние три года»?

— Не надо...

Толин отец был знаменитый учёный, автор многих книг, вице-президент Академии чешуекрылых. Он с детства был так увлечён своими бабочками, что никогда не расставался со складным сачком и даже дома изучал их. Самые редкие бабочки, известные на Земле всего в двух-трёх экземплярах, красовались в прозрачных коробочках, висевших на стенах отцовского кабинета. Они были причудливо разрисованы природой, и отец всегда с гордостью показывал их гостям. В шкафах и на полках его кабинета хранились коробочки с десятками тысяч бабочек Земли и разных планет, где побывали земляне; здесь же стояли сотни книг на разных языках Вселенной, посвящённых всё тем же бабочкам. И дня, казалось, и часа не мог прожить отец без них!

Вот и сейчас он отвечал Толе и одновременно поглядывал в окуляр маленького электронного микроскопа, чтобы получше рассмотреть зубчатое крыло бабочки необыкновенно яркой фиолетовой раскраски. А Толя, бледный, тихий, большеухий, с блестящими глазами, стоял у стола и смотрел на отца.

— Толя, — сказал отец, — нельзя так! Ну хочешь, я посажу тебя в звездолёт, который завтра в семь пятнадцать летит на Луну?

— Не хочу я на Луну! Десять раз был там! Каждый камень и цирк знаю наизусть! Скоро там детские сады открывать будут и придумают скафандры для грудных... Там даже наш Жора был...

— Надо было отправиться с Серёжей Дубовым и его отцом на Марс, они ведь звали тебя.

— Не хочу я на Марс! Я хочу на сверхдальние...

— Я тебе уже ответил. Как будто на Марсе скучно или даже здесь... Ох, сынок, сынок!

— Папа...

— Я сейчас кончу, сынок... Всему своё время, не торопись, ничего от тебя не уйдёт. И на нашей Земле ещё много неоткрытого и загадочного... Уверен, что твой Андрюша Уваров не сидит сейчас сложа руки в лагере археологов; сам знаешь, они уже наполовину раскопали город инков; говорят, он почти целиком сохранился. И ты бы мог поехать с Андрюшей и его братом. И город Хрустальный тебя не заинтересовал, а ведь он в самом цен-

тре Антарктиды... Ну признайся, сколько получил радиogramм от Пети Кольцова с приглашением прилететь к нему.

— Десять, — угрюмо уронил Толя.

— Ну вот видишь! Все твои друзья разъехались на каникулы кто куда, а ты... Толя, ну полови мне бабочек. Полови! Это ведь так важно...

— Я поймаю тебе миллиард бабочек, но не здесь, а там, только...

— Нельзя, сынок, — повторил отец и вздохнул. — И не просись, не настаивай, учись быть терпеливым... Прошу тебя.

— Но ты ведь даже за своими насекомыми летаешь на самые далёкие планеты...

— Верно, меня туда командируют, и ещё я летаю туда по просьбе этих планет в качестве консультанта. Но и для меня существуют законы Высшей Дисциплины, Высшей Совести и Высшего Терпения, и есть планеты, на которые по разным зависящим и не зависящим от меня причинам я не имею права летать. А ведь я взрослый. И я не могу нарушить параграфа о детях «Инструкции межзвёздных полётов». Она написана добрыми и мудрыми людьми...

— Но почему они забывают, что дети...

— Толя!.. — Отец в изнеможении откинулся на спинку кресла. — Ну что у тебя за характер! Ты даже не представляешь, что это такое — полёт туда...

— Представляю! Я ничего не боюсь! Папа, прости меня, но ты... Ты сверхосторожный! Сверх...

— А ты в таком случае сверххрабрый, сверхстранный, сверхмальчик! — Отец встал из-за стола, засмеялся и дёрнул его за ухо. — Рвёшься на сверхдальние, а научился нырять на двадцать метров? А прочитал все пять тысяч страниц «Книги океанов»? А веснушки на своём собственном носу сумеешь сосчитать?

Толя выбежал из кабинета.

Опять эти веснушки! Эти насмешки насчёт глубины его познаний... Толя бросился к маме — она уже вернулась из своей Академии облаков, где занималась проблемами их буксировки в засушливые районы Земли... Но тут же он отскочил от двери: мама ведь тоже была против его полёта на сверх... — ах, опять это проклятое «сверх»! — дальние планеты. И брат его, тоже учёный, посвятивший свою жизнь жизни крабов,

не поддерживал Толю. И сестра, писавшая стихи...

Толя вылетел из квартиры, нажал на зелёную, светящуюся на чёрной дощечке кнопку, и к нему тотчас бесшумно примчался лифт. Толя вошёл в кабину. Что ж это получается? Он, Толя, рвётся к необычному, к загадочному и высокому, а им это...

Толя шмыгнул носом, сдержал слёзы и шагнул из лифта. И вышел на широкий солнечный двор. Здесь росли платаны и цвели розы — алые, белые, жёлтые. У одного дерева стоял Жора, прозванный за свой неслыханный, за свой прямо-таки ужасающий аппетит Обжорой. К тому же он был весельчак и отъявленный бездельник. Второго такого мальчишки не было во всём Сапфирном, и, как уверял первый Толин друг Серёжа Дубов, находившийся сейчас на Марсе, скоро в их двор будут водить большие экскурсии: пусть все знают, что ещё встречаются ребята, которые часами могут сидеть развалясь на скамейке и ничего не делать и так много есть.

Однако сейчас Жора не бездельничал и не ел. Он нюхал розу и одновременно глядел в окно, за которым... Конечно же, ни в какое другое окно смотреть он не

мог! Он мог смотреть только в окно, за которым жила Леночка...

Здесь бы Толе прибавить шагу, чтобы его не заметил Обжора, но Толя шёл медленно, и у жёлтой будки с двумя роботами-дворниками, которые по утрам подметали и поливали двор, его настиг хохочущий голос Обжоры:

— Толь, ты чего кислый? Плакал?

Из окон их большого дома стали высываться ребячьи головы, и это ещё сильнее раззадорило Жору-Обжору, и он хотел что-то добавить, как вдруг послышалось:

— Обжора, хочешь банан?

Это сказал Алька Горячев, сын известного художника и сам немножко художник, Толин друг, не самый первый, но тоже очень хороший. Худенький, быстрый, ловкий, он выскочил из подъезда со связкой жёлто-зелёных, кривых, как бумеранги, бананов.

— Хочу! — крикнул Жора-Обжора, и Алька, оторвав от связки, кинул один банан.

Жора поймал его, тремя полосками содрал шкуру, сунул в рот влажно-белый, мучнистый плод и снова глянул на окна своими крошечными, лениво-весёлыми глазками, утонувшими в полном, щека-

стом лице, и с большим аппетитом принялся жевать, потом швырнул за платан кожуру и попросил у Альки ещё один.

— Ешь! Жуй! Наслаждайся! — Алька с чувством провёл рукой по Жориной голове против шерсти и дал ему ещё один банан. И опять полетела за платан кожура...

Всех выручал Алька: чего ни попроси у него — поможет, сделает, отдаст.

— Скажи отцу, чтоб получше смазал дворников, — напомнил он Жоре, — им после тебя всегда много работы...

Жорин отец был механиком, следившим за роботами, которые убирали пыль и грязь на их улице. Однако Жора пропустил Алькины слова мимо ушей.

Глава 2

КОЛЕСНИКОВ

Между тем Толя вышел на бульвар Открытый. Под его ногами — пока их не успели убрать роботы — шуршали сухие, жёлтые лепестки акаций, мимо него с тонким мелодичным свистом проносились остроносые многоцветные автолёты.

Из них высовывались жёлтые лица японцев, белозубых негров из окрестностей африканского озера Чад, белокурых спокойных норвежцев, индианок с Огненной земли... Во все глаза смотрели они на город Сапфирный, который лежал у красивой Сапфировой бухты с золотистыми песчаными пляжами. Вода бухты была прозрачная, прохладная; она ласково подхватывала и несла купальщиков и, говорили, в один день снимала годовую усталость. И, наработавшись, люди всех континентов Земли спешили сюда хотя бы на недельку. И были ещё в этом городе, на его зелёных холмах, развалины легендарной Генуэзской крепости незапамятных времён, когда на Земле было рабство; тогда здесь шумел невольничий рынок, и за медные, серебряные и золотые монеты с властными профилями римских и византийских императоров богачи могли купить красивую девушку или юношу, взятых в плен во время разбойничьих набегов. Сейчас в их городе и на всей Земле ничего не продают, деньги остались только под стеклом музеев, и приезжающие сюда люди с грустью и недоумением смотрят на эти высокие позеленевшие зубцы

выветренных, крошащихся стен крепости, на некогда грозные бойницы, которые теперь приступом берут весёлые ласточки... И ещё люди приезжают в их город, чтобы сходить в удивительный, пока что единственный в мире музей Астрова — прославленного художника, уроженца этого города, который писал на тонких металлических листах особыми, несмываемыми, вечными красками подводные пейзажи Сапфировой бухты с морскими звёздами на тускло-зелёных скалах, с таинственным мерцанием глубин, с бликами проникающего сверху солнца, с загадочной тенью полуразрушенного, громадного чёрного Вулкана, стоявшего на берегу, — из него который уже век море вымывает редкостные по красоте драгоценные камешки, о которых мечтают девочки, девушки, женщины и даже старушки всех континентов Земли...

Но Толя шёл по этому великолепному зелёному городу, и ему было не до его пляжей и синевы его Сапфировой бухты. Он шёл потупясь, и время от времени над ним раздавался жаркий, скользящий свист, и тогда он резко вскидывал голову: с окраины города, где был космодром,